

Чей феминизм? Феминистские движения в России и «западная» культурная гегемония

С того самого момента, как я пришел в свою первую феминистскую активистскую группу, в разговорах о феминизме со знакомыми и совершенно незнакомыми людьми мне, как и моим подругам, постоянно приходилось объяснять одно и то же: нет, феминизм – это не что-то оторванное от жизни. Дело не в том, что мы читались «западными»¹ феминисток. Это не наносная идеология, и это не надуманные проблемы. Мы не высасываем их из пальца, мы говорим о том, что происходит с нами, здесь и сейчас. Феминизм – это то, что касается каждой женщины*², говорили мы. А нас все время подозревали и обвиняли в том, что мы пытаемся насаждать что-то чуждое.

Обвинения в навязывании «западных ценностей» или «чуждой идеологии» постоянно сопутствуют феминизму в России и особенно обострились в последние годы, с оживлением дискурсов «холодной войны». Часто оппонент_ки³ полностью отказывают российским феминист_кам в политической самостоятельности. Более того, и в самих феминистских сообществах встречаются то в скрытой, то в явной форме идеи о вторичности российского феминизма по отношению к «западному».

¹ Кавычки вокруг слов «западные» и «Запад» я ставлю с двойной целью: во-первых, подчеркнуть, что речь идет о воображаемой области/общности, которая на самом деле не имеет четких границ, а во-вторых, обозначить критическую дистанцию по отношению к этому понятию и тянущемуся за ним шлейфу политических коннотаций.

² Звездочку к слову «женщина*» я добавляю для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет обо всех людях с опытом гендерного угнетения, а не только о приписанном при рождении поле и даже не об идентичности. Такое написание я заимствую у немецких и австрийских квир_феминист_ок. Правда, в то время, о котором я говорю, никто из нас звездочкой не пользовал_ась. Я тогда определял себя как женщину, и мой феминизм не был транс*инклюзивным.

³ Я использую нижнее подчеркивание, когда имею в виду людей всех гендеров, включая небинарные. При обсуждении высказываний других людей я иногда не ставлю нижнее подчеркивание, чтобы не приписывать им того понимания гендерной системы, которого они, возможно, не разделяют.

Может ли феминизм быть российским или он всегда происходит с «Запада»? Могут ли люди в Восточной Европе, на постсоветском пространстве, в России производить феминистское знание и методы или они всегда только повторяют, заимствуют, догоняют и наверстывают? Обречены ли они всегда учиться у «Запада»? Для меня эти вопросы приобрели особое значение с тех пор, как я живу в Германии и мне нужно как-то осмыслить свое мигрантское положение. Но я уверен, что размышлять и говорить об этом имеет смысл не только для мигрант_ок: в глобальном культурном пространстве, когда значительная часть обмена знаниями и идеологиями и их распространения происходит онлайн, все мы включены в том числе в глобальные отношения власти. И в этом контексте вопрос «чей феминизм?» – это еще и вопрос того, чтобы ценить по достоинству свой активизм и свой интеллектуальный вклад.

В своих размышлениях об этом я опираюсь на интервью, которые брал у российских феминист_ок для своего исследования, посвященного современным феминистским движениям в России. Интервью проводились в 2015–2016 годах, и хотя далеко не все они затрагивали тему отношений с «Западом», некоторые участницы поделились со мной своими развернутыми позициями; отрывки из их интервью я и рассматриваю ниже.

Что же заставляет нас обращаться к «западным» источникам за языком и способами осмысления наших собственных жизней? Почему мы предполагаем, что именно там находится источник верного, подлинного знания? Ответ, похоже, кроется в явлении, которое называют культурной гегемонией «Запада». Гегемония – это власть, которая не опирается на прямое насилие. Отношения между «Западом» и Россией не колониальные – именно потому, что колониальное насилие в них отсутствует. Тем не менее, всем нам хорошо знакомо жесткое противопоставление России или, шире, Восточной Европы и «Запада» как двух противоположных полюсов, когда «западный» конструируется как полюс прогресса, просвещения и свободы, а «восточный» – наоборот, как полюс отсталости, невежества и закрепощенности (Mizielińska and Kulpa 2011; Wiedlack and Neufeld 2014). Этот механизм реализации «западной» культурной гегемонии иногда называют дискурсом отставания (Koobak and Marling 2014). Он представляет специфическую для «Запада» историческую траекторию эталона «нормального развития», а все другие якобы «отклоняются» или «отстают» от этой нормы. По сути, дискурс отставания использует само время как инструмент культурной гегемонии (Kulpa, Mizielińska, and Stasińska 2012).

Феминизм в дискурсе отставания, безусловно, принадлежит к «западным ценностям». Это одна из тех точек, в которой, как предполагается, Россия должна нагнать «Запад», хотя не во всех версиях дискурса отставания это признается возможным. Татьяна Болотина, российская феминистка и активистка, говорит об этом так⁴:

⁴ Все упоминаемые имена участниц согласованы с ними. Я привожу цитаты с сохранением пауз и колебаний, потому что все эти детали помогают увидеть, как мои собеседницы размышляют непосредственно в ходе разговора.

То есть у... россиянок в массе своей есть такое ощущение второсортности по сравнению со странами первого мира, особенно США, и это проявляется у всех по-разному: ну, там, многие в махровый национализм ударяются. Среди феминисток это в основном не так, то есть в основном такое ощущение, что здесь, у нас, отстой такой, что у нас, типа, плохой менталитет, что никогда ничего не будет лучше... Что там, где-то там да, все здорово, а у нас здесь все плохо, потому что мы такие плохие... Вот, и на мой взгляд, это очень похоже на ощущение женщин в целом по отношению к мужчинам: что, типа, мужчины такие великие, они все изобрели, написали и так далее, а мы, типа, способны только рожать и... быть сексуальными объектами.

Чтобы сделать гегемонию «Запада» явной и очевидной, Татьяна использует прием, который очень популярен в феминистских и других активистских сообществах: сравнить менее изученный или менее понятный вид отношений власти с другим, уже хорошо известным и описанным. Здесь Татьяна сравнивает то, как женщины в целом интернализируют, или усваивают сексизм и мизогинию, с тем, как россиянки интернализируют ощущение собственной «второсортности» по отношению к «Западу». Получается, что в обоих случаях те, кто обладает властью, конструируются как достойные, а те, кто находится в подчиненном положении, – как недостойные, причем их подчиненное положение увязывается с якобы внутренне присущими им недостатками.

Реагировать на «западную» гегемонию и «дискурс отставания» можно по-разному, и если интернализировать «западный взгляд» – это один путь, то противоположный ему, очевидно, – отвергать «западный взгляд», противопоставляя ему национализм. Но так ли это на самом деле? Татьяна в приведенной цитате занимает критическую дистанцию по отношению к обоим вариантам, и благодаря этому становится очевидным, что выбор ими не исчерпывается. Господствующие дискурсы обычно приравнивают критику «Запада» к национализму, а несогласие с политикой собственного (например, российского) государства – к некритичному принятию политики «западной». Но Татьяна выше показывает, что «национализм или самопринижение» – это ложный выбор.

Тем не менее, поскольку феминизм представляется – и в дружественных, и во враждебных дискурсах – «западным» изобретением и элементом из набора «западных ценностей», в российских феминистских сообществах в самом деле больше распространена тенденция в той или иной степени обесценивать свои идеи, свою работу и достижения по сравнению с «западными образцами». Часто, например, история и развитие феминизмов в России проецируется на мейнстримный «западный» способ рассказывать историю феминизма через модель «трех волн»⁵; это порождает дискуссии о том, «пора ли» России присоеди-

⁵ Между тем, модель «трех волн» – не единственный и едва ли лучший способ представлять себе историю феминизмов вообще и «западных» феминизмов в частности. Ее критикуют за то, что она стирает различия в истории и повестке феминистских движений в разных странах (Dean and Aune 2015), игнорирует все формы феминистского действия, кроме моментов самого массового протеста (Staggenborg and Taylor 2005) и исключает из рассмотрения деятельность бедных женщин, женщин рабочего класса и женщин цвета по всему миру (Naples 2015).

няться к «третьей волне» или нужно сначала основательно «нагнать» «вторую». Намеренно или неосознанно такие дискуссии задействуют как предпосылку идею о том, что российским феминисткам в любом случае нужно учиться у «западных».

Именно об «учебе», точнее, о передаче знаний, мне бы хотелось поговорить дальше. Кажется, что поиск интеллектуальных и идеологических оснований имеет сейчас очень большое значение для низовых феминистских движений в России. Я думаю, что на это есть несколько причин. Во-первых, феминистским движениям постоянно приходится доказывать, что они имеют право на существование в условиях, когда все (и государство, и общество, и разнообразные облеченные властью институты, в частности, академия) им в этом отказывают. Во-вторых, феминистские сообщества в России, как и в других местах, переживают множество идеологических конфликтов и расколов, и в этих обстоятельствах им необходим фундамент, ядро базовых знаний и идей, с которыми были бы согласны приверженки всех идеологических направлений. Такое ядро самых авторитетных и основополагающих, иначе говоря, *мейнстримных* для феминизма концепций даже имеет специальное название, хорошо знакомое всем, кто общается в феминистских (особенно онлайн) тусовках, – «матчасть». Поскольку матчасть должна отвечать потребности движений в истории и авторитетности, неудивительно, пожалуй, что львиную долю ее составляют «западные» тексты «второй волны». Эти тексты переводятся зачастую силами активисток и снова и снова распространяются по феминистским онлайн-площадкам.

Проблема, однако же, в том, что эти тексты, из которых вроде бы должна выводиться актуальная для современных российских условий политическая практика, – это «западная» феминистская теория. А она, хотя и претендует на универсальность, далеко не всегда хорошо объясняет постсоциалистические реалии. Вот как об этом говорит Татьяна Болотина:

А те паблики⁶, где есть всякая матчасть и где цитируют, ну... современных феминисток как матчасть, меня не интересуют. [...] В том плане, что... интересны проблемы, с которыми люди сталкиваются здесь и сейчас. То есть не то, что было там когда-то описано в Америке или где-то еще. И... Ну, я считаю, что все-таки то, что происходит в современной России, оно немножко отличается от... другой страны и другого времени.

На мою просьбу привести пример, Татьяна поясняет:

Ну, самый элементарный пример, допустим... американской матчасти неподходящей – это домохозяйка среднего класса, то есть там очень много на эту тему. У нас здесь, во-первых, мало домохозяек и... ну, среднего класса так... не знаю [смеется] в общем, среднего класса тоже гораздо меньше, скажем так⁷. Вот, и... У нас история не такая, то есть

⁶ Речь идет о пабликах (то есть публичных страницах) Вконтакте.

⁷ Колебания Татьяны по поводу понятия «средний класс» заинтересовали меня, тем более что у меня оно тоже вызвало смутные сомнения. Академические источники говорят, что определить, что такое «средний класс» в России, непросто (Remington 2011; Gontmakher and Ross 2015). Возможно, еще один пример «западной» концепции, плохо применимой к постсоветскому обществу.

в то время, когда в Америке в среднем классе женщины в основном сидели дома, занимались домашним хозяйством, у нас женщины в основном работали, у них были две-три смены.

Татьяна подчеркивает различия между реалиями современной России и США середины XX века и опирается на эти различия, чтобы объяснить свою критику русскоязычных феминистских платформ, публикующих «матчасть». Пример, который она приводит, действительно хрестоматийный во всех смыслах слова: именно концепция домохозяйки среднего класса вызывала раздражение уже у предыдущих поколений феминисток из постсоциалистических стран. Например, болгарская феминистка Корнелия Славова в тексте 2006 года суммировала свой опыт обсуждения со студент_ками «Загадки женственности» Бетти Фридан: студент_ки оценивали проблемы домохозяйки среднего класса как «устаревшие и не имеющие к ним отношения»⁸. Славова пишет:

У нас, восточноевропейских женщин, было другое ощущение женской идентичности, относительно независимой от фигуры мужа, но тесно связанной с коммунистическим государством. Мы еще не испытали на себе западный «культ домовитости», «мифы о красоте» и консьюмеризм. Зато мы интернализировали социалистический миф «суперженщины» – сочетающей домашние и общественные обязательства, зачастую ценой жертв, самоуничужения и самоотрицания (Slavova 2006).

Спустя двенадцать лет и «мифы о красоте», и консьюмеризм успели стать проблемами для женщин* в постсоциалистических странах – и, соответственно, вошли в повестку постсоциалистических феминистских движений. Но и тезис Славовой о суперженщине актуальности не потерял. «Загадку женственности» и ее феминистскую аргументацию, ставящую в центр рассмотрения домохозяйку среднего класса, принято считать одним из краеугольных камней «матчасти». Но это узкоспецифическая «матчасть», которая не подходит как фундамент для политической практики феминист_кам в постсоциалистических странах и не может претендовать на статус универсального стандарта феминизма. На это и указывает Татьяна, тем самым отвергая и «ученическую» позицию по отношению к «западному» феминистскому знанию.

Есть и другие конструктивные способы взаимодействовать с «западным» знанием, сохраняя при этом критичность по отношению к гегемонии «Запада». Вот что говорит другая моя собеседница, Катерина:

...Еще, кстати, почему [я] не очень люблю всякие эти группы и паблики – они возьмут какой-нибудь текст семидесятых, который написан с употреблением лексики, которую, блин, даже я не всегда понимаю [...] Ну... зачем? Для кого ты это пишешь? Ты напиши про себя, про свой опыт! [...] Популяризация – это объяснение простым языком этих всех вещей, то есть... Мне кажется, вот Бетти Фридан сделала вообще классную вещь. Это же, блин, даже... ничего делать не надо, ты бери [и] просто то же самое на русском напиши! То есть она просто взяла опыт женщин и на их примере... показала, насколько было ущемно

⁸ Здесь и ниже перевод цитат мой.

это... время и насколько себя женщины почувствовали свободнее, когда они смогли высвободиться из этого. Да ты сделай то же самое на русском языке, тебе кто мешает? Светлана Алексиевич, кстати, в этом плане очень классную вещь сделала. Она вот популяризует эту антивоенную риторику, да? Она собирает эти все интервью, это гигантская работа, это вообще... Людмила Петрановская – она популяризует психологию, она очень грамотно все это расписывает. Мне вот нравится. Там, не знаю... кто? Ну, то есть вот в таком ключе это надо брать и просто популяризовать.

Популяризация – важная тема, к которой Катерина много раз возвращается в ходе нашего разговора: она считает популяризацию одной из центральных задач для феминистских движений в России. Как и Татьяна, Катерина начинает с критики феминистских онлайн-платформ за репосты «текстов семидесятых» – текстов «западных» авторок «второй волны». Но обосновывает она свою критику несколько иначе: для нее главный аргумент «против» – это недоступный язык, который делает эти тексты сложными для восприятия. А это мешает популяризации вместо того, чтобы способствовать ей. В то же время Катерина призывает писать исходя из собственного опыта – из этого можно сделать вывод, что она тоже видит различия в социальных реальностях «западных» семидесятых и современной России. В свете этого может показаться странным, что дальше она приводит «западную» авторку «второй волны», Бетти Фридан (похоже, это все же неизбежная фигура и ориентир в таких дискуссиях), как пример успешной популяризации. Но, на мой взгляд, противоречия здесь на самом деле нет. В первую очередь Катерина ценит в Бетти Фридан ее подход – «объяснение простым языком этих всех вещей», а не ее анализ «этих вещей», то есть положения женщин в послевоенных США.

Еще одно основание для такой трактовки слов Катерины появляется ниже, когда она продолжает свой ряд достойных подражания популяризаторок и приводит русскоязычные примеры: белорусскую писательницу и нобелевскую лауреатку Светлану Алексиевич и российскую психологиню Людмилу Петрановскую (обе – уважаемые публичные интеллектуалки, которые при этом не называют себя феминистками). Катерина ставит Алексиевич и Петрановскую в один ряд с Фридан – и тем самым показывает, что она совсем не заинтересована в том, чтобы универсализировать «западные» теории. Катерину интересуют, прежде всего, действенные методы популяризации, поскольку она твердо убеждена в необходимости распространять феминистские идеи. Кроме того, она, очевидно, привержена политической стратегии «выбери женщину»: противостоять андроцентризму, отдавая предпочтение женщинам, женским голосам и достижениям. Выстраивая ряд «Фридан – Алексиевич – Петрановская», Катерина показывает, что ей интересно учиться у разных женщин, вне зависимости от их страны, языка или сферы деятельности. Катерина высказывается против догматичного воспроизведения «западных» теорий и их некритичного применения к современному российскому контексту. Она призывает учиться активно

и избирательно, признавать и ценить разнообразные источники и заимствовать у каждого из них то, что тебе нужно и подходит, – и в то же время брать за точку отсчета собственный опыт.

Такой подход, очевидно, несовместим с тем самопринижением или самообесцениванием, которое рождается из усвоения «дискурса отставания». Татьяна, в свою очередь, тоже считает лучшим источником знаний локальный опыт и истории: она говорит, что предпочитает читать вместо «матчасти» личные истории, которыми делятся «обычные» женщины в постах и комментариях. Вот как она их использует:

Татьяна: Да, поэтому очень интересно, собственно, что сейчас происходит, и... Я на основе этого составляю какую-то собственную, там, [смеется] теорию, что называется...

Ваня: А теорию это как?

Татьяна: Э-э-э, ну... представление о том, что сейчас актуально и как это решать.

Откровенно говоря, меня глубоко впечатляет та смелость, с которой Татьяна возвращает себе слово «теория», «забирая» его у господствующих «западных» и академических дискурсов. Она делает это, с одной стороны, используя его почти без смущения для обозначения своего собственного анализа, а с другой – определяя теорию как фундамент для политического действия, как инструмент и подспорье для активизма, а не что-то стоящее выше его. В конечном счете получается, что Татьяна последовательно противостоит и академической, и «западной» гегемонии. Возвращая себе слово «теория», она отказывается уменьшать свою интеллектуальную работу, вопреки негласным предписаниям дискурса отставания. А основывая свою теорию на опыте и историях «обычных» женщин, она придает больший вес этим историям – и тем самым, опять же, действует против предписываемого гегемонными дискурсами обесценивания локального знания.

И Татьяна, и Катерина возражают против того, чтобы заимствовать «западное» знание без разбора. Обе критикуют универсализацию «западной» теории и тем самым сопротивляются «западной» культурной гегемонии. Различаются их подходы тем, что именно они предлагают взамен некритичному воспроизведению «западного» знания. Катерина не отвергает «западные» источники знания, но дополняет их русскоязычными и постсоветскими. На протяжении своего интервью она представляет целую галерею известных женщин, которые ее вдохновляют – и «западных», и не «западных»⁹. Татьяна, верная своей критике

⁹ В свою очередь, Корнелия Славова в процитированной выше статье (Slavova 2006) обращает внимание на то, как много общего или похожего у восточноевропейских феминисток с черными и постколониальными феминистками: это касается и восприятия гендера в контексте пересекающихся угнетений, и переживания «западной» гегемонии. Славова опирается на теории постколониальных и черных феминисток и тем самым показывает возможности для транснациональных союзов помимо или в обход мейнстримного «западного» феминизма привилегированных женщин.

«западной» гегемонии, полностью отвергает идею ориентироваться на «западные» образцы. Более того, она вообще отвергает мысль брать пример с кого бы то ни было, выказывая редкую последовательность в своем сопротивлении любым иерархиям. Вместо этого она настаивает на том, чтобы ценить, поддерживать и продвигать местное, локальное знание, которое производят неизвестные, «обычные» женщины.

Хотя господствующие дискурсы – российские и «западные», академические и медийные – создают впечатление, будто российский феминизм (в тех случаях, когда они вообще признают его существование) полностью вторичен по отношению к «западному», знакомство с реальной практикой и позициями российских феминист_ок убеждает, что это совсем не так. Высказывания Татьяны и Катерины, приведенные выше, показывают, насколько глубоко феминистская деятельность может быть укоренена в локальном российском контексте, и дают вдохновляющие примеры критического взаимодействия в «западным» знанием. Даже если «западная» гегемония не принадлежит к числу самых острых проблем на повестке российских феминистских движений сегодня, я все же надеюсь, что такие высказывания, ставящие в центр внимания локальную историю, знания и опыт, будут звучать чаще. Потому что именно освобождение от «западной» гегемонии и оценка по достоинству собственных достижений может быть залогом транснациональной солидарности, основанной на равном диалоге и взаимном уважении.

*Литература*¹⁰:

- Dean, Jonathan, and Kristin Aune. 2015. "Feminism Resurgent? Mapping Contemporary Feminist Activisms in Europe." *Social Movement Studies* 14 (4): 375–95.
- Gontmakher, Evgeny, and Cameron Ross. 2015. "The Middle Class and Democratisation in Russia." *Europe-Asia Studies* 67 (2): 269–84.
- Koobak, Redi, and Raili Marling. 2014. "The Decolonial Challenge: Framing Post-Socialist Central and Eastern Europe within Transnational Feminist Studies." *European Journal of Women's Studies* 21 (4): 330–43.
- Kulpa, Robert, Joanna Mizielińska, and Agata Stasińska. 2012. "(Un)translatable Queer?, or What Is Lost and Can Be Found in Translation..." *Import – Export – Transport. Queer Theory, Queer Critique and Activism in Motion*, edited by Sushila Mesquita, Maria Katharina Wiedlack, and Katrin Lasthofer, 115–45. Vienna: Zagglossus.
- Mizielińska, Joanna, and Robert Kulpa. 2011. "Contemporary Peripheries: Queer Studies, Circulation of Knowledge and East/West Divide." In *De-Centring Western Sexualities: Central and Eastern European Perspectives*, 11–26. Ashgate Publishing Limited.

¹⁰ Уже завершая работу над текстом, я заметил, что все источники, на которые я ссылаюсь, – англоязычные, хотя большинство автор_ок – восточноевропейские. Большую иронию для текста, критикующего «западную» гегемонию, трудно себе представить. Не знаю, говорит ли это больше о том, как функционирует глобальная академия, или о проблемах в моей личной практике; так или иначе, передо мной, очевидно, остается еще большое поле для рефлексии.

- Naples, Nancy. 2015. "Confronting the Future, Learning from the Past: Feminist Praxis in the Twenty-First Century." In *Different Wavelengths: Studies of the Contemporary Women's Movement*, edited by Jo Reger, 215–36. Routledge.
- Remington, Thomas F. 2011. "The Russian Middle Class as Policy Objective." *Post-Soviet Affairs* 27 (2): 97–120.
- Slavova, Kornelia. 2006. "Looking at Western Feminisms Through the Double Lens of Eastern Europe and the Third World." In *Women and Citizenship in Central and Eastern Europe*, edited by Jasmina Lukić, Joanna Regulska, and Darja Zaviršek, 245–265. Aldershot: Ashgate.
- Staggenborg, Suzanne, and Verta Taylor. 2005. "Whatever Happened to the Women's Movement?" *Mobilization* 10 (1): 37–52.
- Wiedlack, Katharina, and Masha Neufeld. 2014. "Lost in Translation: Pussy Riot Solidarity Activism and the Danger of Perpetuating North/Western Hegemonies." *Religion and Gender* 4 (2): 145–65.